

Евгений Черносвитов

Пройти по краю

Василий Шукшин: мысли
о жизни, смерти
и бессмертии.

Издание 3-е

Евгений Черносвитов

Пройти по краю

«Издательские решения»

Черносвитов Е. В.

Пройти по краю / Е. В. Черносвитов — «Издательские решения»,

Жизнь, смерть и бессмертие — это то, что лежит на доньшке каждой думы Василия Шукшина. Не психологические портреты шукшинских героев в центре внимания автора. Перед читателем раскрывается картина миропонимания русского человека, где древнее, пережитое предками, неожиданно врывается в повседневность сегодняшнего дня.

Содержание

Вступление	7
Только это не будет экономическая статья...	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Пройти по краю
Василий Шукшин: мысли о жизни,
смерти и бессмертии. Издание 3-е
Евгений Васильевич Черносвитов

© Евгений Васильевич Черносвитов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Портрет Василия Макаровича **Шукшина**, написанный для Евгения Васильевича Черносвитова и подаренный ему, известным советским художником, ленинградцем, другом Евгения Васильевича Черносвитова, Анатолием Захариевичем **Давыдовым**.

Вступление

*Что ж, и хорош: а коль хочешь мое мнение знать, то больше дурен.
Сама видишь какой человек, больной человек!*

Ф. М. Достоевский. Идиот

*Я думаю, что люди вообще ошибаются, когда считают, что
лишь повседневное представляет реальность, а все остальное ирреально.
В широком смысле страсти, идеи, предложения столь же реальны, как
факты повседневности, и более того – создают факты повседневности.
Я уверен, что все философы мира влияют на повседневную жизнь.
Х. Л. Борхес. Всеобщая история бесчестья*

Книга – это попытка вновь услышать голос В. М. Шукшина, жгучее желание узнать от него с а м о е сокровенное, то единственное веще с л о в о, которое дано произносить только пророкам.

Что он оставил нам? Абсолютное убеждение, что «нравственность есть Правда», и полный растерянности вопрос: «Что с нами происходит?» Сначала одно, затем другое. Не в этих ли пределах пульсирует мысль Шукшина? «Большое видится на расстоянии», – сказал горячо любимый им поэт. И в р е м я есть это «расстояние», и традиция есть оно. Все есть для того, чтобы остаться наедине с мыслями (или, вернее, «думами») В. М. Шукшина. Но может быть, время, фиксирующее м ы с л ь и переводящее ее в историю, и есть традиция?

Написано о Шукшине много. Георгий Бурков вспоминает, что Василий Макарович часто говорил: «Наста нет скоро время, придет пора нам расшифровываться». Еще одна загадка между правдой и растерянностью. Передо мной разные книги о В. М. Шукшине, о его творчестве. Ни история, ни традиция без этого не обходятся. Это и нам не обойти. Подберем цитаты¹.

Коробов пишет: «...Василий Макарович, только слегка „прячась“ за героями, будет нередко проводить именно собственные выстраданные мысли о жизни современности». Л. А. Аннинский, говоря о «шукшинской мифологии», признается: «Не знаю, есть ли в этой „мифологии“ внешняя логичность, но внутренняя последовательность в ней есть. И есть система, выстраданная жизнью». И дальше: «...Шукшин был, конечно, – по нравственному отношению к вещам – настоящим, прирожденным философом... Шукшин был философ в русской традиции, когда система воззрений выявляется в „окраске“ самого жизненного пути, когда она растворена в творчестве и изнутри насыщает, пропитывает его, не кристаллизуясь в „профессорскую“ схему. Все крупные русские писатели были философами...» Сам Шукшин говорил: «Три вещи надо знать о человеке: как он родился, как женился, как умер». Прав Виктор Горн: требуется немалая художественная (да и человеческая!) сила, чтобы достоверно, художественно, убедительно показать смерть. Его, Шукшина, смерть – глубоко символическое событие. Он ведь умер дважды: публично в образе Егора Прокудина («Он свою удивленную смерть предсказал всенародно в картине», – писал А. Вознесенский) и т а й к о м, «без сожаления и страха» ночью на 2 октября 1974 года у себя в каюте «Дуная».

Кто-нибудь обязательно раскроет содержание и проследит генезис художественно-философского понятия ч у д и к. Ведь реальность его в классической русской литературной традиции несомненна. Это понятие далеко не однозначно. Обратим внимание лишь на некоторые моменты, философское осмысление которых помогло бы, на наш взгляд, раскрыть феномен ч у д и к а и ч у д а ч е с т в а на Руси. Пусть читатель примет это как психотерапевтический прием, который позволит нам остаться наедине с Шукшиным.

---

¹ В списке литературы указаны все цитируемые произведения и страницы.

Красная площадь, 2. В самом центре нашей Родины находится храм Василия Блаженного. Десятая церковь собора Покрова, что на Рву, сооружена над могилой известного в конце XVI века в Москве юродивого. Собор с тех пор в честь его переименован. В конце XVII века ставят одиннадцатую церковь Покровского собора, опять же над могилой юродивого, Иоанна Блаженного, похороненного здесь еще почти сто лет назад. Любовь всенародная? И ненависть всенародная – «собаке собачья смерть!» – это на гибель Гришки Распутина. Борис Годунов гением Пушкина на веки вечные связан с Николкой юродивым. Юродивый, по определению Д. С. Лихачева и А. М. Панченко, переводит себя в «особую систему значений» и таким образом добивается «обновления вечных истин». Но как разнообразны и разновелики юродивые! Ф. М. Достоевский в образе «Идиота» стремился показать «положительно прекрасного человека». В поисках решения этой «труднейшей задачи» он обращается к опыту не только русской, но и мировой художественной литературы. «... Из прекрасных лиц в литературе христианской, – писал Достоевский С. А. Ивановой, – стоит всего законченнее Дон Кихот. Но он прекрасен единственно потому, что в то же время и смешон. Пиквик Диккенса (бесконечно слабейшая мысль, чем Дон Кихот, но все-таки огромная) тоже смешон и тем только и берет. Является сострадание к осмеянному и не знающему себе цены прекрасному, а стало быть, является симпатия и в читателе. Это возбуждение сострадания и есть тайна юмора». Главное устремление князя-«идиота» Достоевский определяет так: «... восстановить и воскрасить человека». В самые крайние, трагические и личные минуты свои князь занимается разрешением общих вопросов (особенно показательна в этом отношении речь князя в гостиной Епанчиных, ч. IV, гл. VII). «Идиот» не только «смешон». «Берет» он другим – «о н н е в и н е н». В уста князя писатель вложил протест против бесчеловечного отношения общества к преступнику, к падшей женщине, к больному, к ребенку.

На роковом распутии русской истории появился «Парамон-юродивый» Г. И. Успенского. Он возник в атмосфере, созданной людьми, «искони потерявшими смысл и аппетит «жизни», когда «ни одной светлой точки не было на горизонте. «Пропадешь!» – кричало небо и земля, воздух и вода, люди и звери... И все ежилось и бежало от беды в первую попавшуюся нору». Вместе с ним к людям с «завядшими сердцами»,

с сознанием «безнадежности и тоски жизни» «что-то необыкновенное – не то погибель, не то милость, не то само будущее шло...». От явления Парамона-юродивого «толчок был силен необыкновенно, и благодаря ему, мы неожиданно стали на дороге, по которой можно бы дойти до сознания прав живого человека на земле». Лица приобрели «посторонние» смерти и тоске выражения. А конечный результат – предательство: «Но главное, что охладило к нему – это и м е н н о е г о б е з б о я з н е н н а я у в е р е н н о с т ь в е в о е й п р а в о т е. Испугайся он, засуетись, начни врать, кланяться – мы бы поняли его». Рядом с «Парамоном-юродивым» находятся «Большая совесть», «Будка», «Спустя рукава», «Неизлечимый», «Власть земли», «Выпрямила», «Книжка чеков» и «Вольные казаки». Да, наряду с юродивыми и чудиками в «своеобразной мистерии будней» (Б. Дыханова) появляется вольный казак: «Нет... жив Степан Тимофеевич, Стенька Разин по прозвищу...» Но в каком виде? «Весь грязный, виноватый, подлый, он до глубины души проклиная всю свою грязь, вину, подлость, он знает зло во всевозможных источниках, видах и оттенках, и проклятие его производит потрясающее впечатление на толпу, куда, конечно, загнала его та же пробудившаяся совесть, просветлевшая мысль. Злой и скверный, грязный знаток всякого зла, греха и всякой своей и чужой подлости, сам же проклиная эту свою и общую подлость, вот и еще весьма приметный тип в толпе бродячих по Руси вольных людей, «добрых молодцев», порожденных периодом хищничества на Руси». Нет, мы не собираемся проводить какой-либо параллели между В. М. Шукшиным и Г. И. Успенским. Но явная перекличка между ними слышится (мы не случайно привели названия рассказов из вышедшей в издательстве «Правда» в 1985 году «Книжки чеков» Г. И. Успенского). И верно подмечено в предисловии к этой книге, написанном Б. Дыхано-

вой: «Сквозь частный случай просматривается как бы общая ситуация человеческой жизни». Мы еще вернемся к «вольному казаку», всегда готовому «провозгласить: «Сарынь на кичку!» в виде каких-нибудь грандиозных финансовых предприятий», когда назовем имя Рема Степановича Кочергина. Речь «идиота» в гостиной Епанчиных, развратный, хищный древний Рим, вольница Стеньки Разина, чудовищные преступные финансовые операции времен «елисеевского магазина» – все агглютинирует в себя образ главного героя «Последнего переулка» Лазаря Карелина. История замкнется в традиции.

Б. Дыханова в предисловии к «Книжке чеков» пишет: «И повествователь вполне осознанно становится в ряды русских „ленивцев“ и чудиков, не желающих приспособливаться к жизни, конструируемой по законам „порядка“. Всевозможные чудачества вроде покупки бойцового гуся или петуха становятся одной из причудливых форм российского протеста, парадоксальным образом проявляя общественную ситуацию». Она вплотную подходит к точному, на наш взгляд, определению этого художественно-философского понятия **«чудик» – «подлинная трагедия личности, нажившей себе душу, но не нажившей судьбы».**

Действительно, какая судьба-доля у чудика-юродивого (мы соединяем два последних слова в одно понятие, как содержание и смысл единого значения)? **Г о р е - З л о ч а с т и е!**

«Нет, я сиротушка горькая... Кличка моя знаешь какая? Горе. Мой псевдоним». Это Егор Прокудин о себе. И дальше о своей «доле»: «Никем больше не могу быть на этой земле – только вором». «Во всех своих противоречиях повесть, – пишет Д. С. Лихачев, – выказывает свою исключительность, а автор – свою гениальность. Он гениален потому, что сам не до конца осознает значительность им написанного, а повесть, им созданная, допускает различные интерпретации, вызывает различные настроения, „играет“, как играет гранями драгоценный камень». Это о «Повести о Горе-Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин». Разве не о «Калине красной»? Дальше читаем: «Все в этой повести было ново и непривычно для традиций древней русской литературы: народный стих, народный язык, необычайный безымянный герой, высокое сознание человеческой личности, хотя бы и дошедшей до последних степеней падения, в ней проявлялось новое мироощущение». Нет, это и про «Калину красную», и про одну большую п о в е с т ь, рассказанную нам самой жизнью В. М. Шукшина.

Представьте внешний портрет л ю б о г о русского чудика, и вы тут же увидите его двойника (пусть под «псевдонимом» или блатной кличкой, как у Егора Прокудина). Поразительно рельефен этот образ Гора, впервые нарисованный неизвестным автором «Повести о Горе-Злочастии». Вот он:

И в тот час у быстры реки
скоча Горе из-за камня:
босо, наго, нет на Горе ни ниточки,
еще лычком Горе подпоясано,
богатырским голосом воскликано:
«Стой ты, молодец,
меня, Гора, не уйдешь никуда!
Не мечися в быстру реку,
да не буди в горе кручиноват,
а в горе жить – некручинну быть,
а кручину в горе погинути!»

Как спасти душу и избыть горе: нельзя уйти от него, как нельзя уйти от самого себя. Полетит молодец от Гора ясным соколом – Горе гонится за ним белым кречетом. Молодец летит сизым голубем – Горе мчится за ним серым ястребом. Молодец рыщет в поле серым волком, а Горе за ним с борзыми собаками. Встанет молодец в поле ковыль-травой, а Горе

придет с косою вострою. Горе «искренне» желает молодцу «успокоения» в могиле, или кабаке, или в тюрьме, или в доме для умалишенных. Был и монастырь для этого ранее. А когда нет сил ни жить, ни кончать самоубийством, остается брести без цели, без сильных желаний, покорно повинувшись превратностям жизни, своей доле.

Д. С. Лихачев пишет: «Чрезвычайно важна для русской литературы всего времени ее существования идея судьбы как „двойника“ человека. Это одна из „сквозных тем русской литературы“. Причем это не мистическая идея и не слишком отвлеченная...» Он выделяет следующие типы «двойников»: 1) это разные скоморошьи перевоплощения, но они уже близко подходят к проявлению двойника; 2) еще ближе к теме двойника различные поучения о пьянстве: так «Слово о Хмеле» XV века представляет уже во всей полноте своей отделение доли-судьбы от отдавшегося Хмелю человека: Хмель – это первое и полное воплощение двойника, главного героя; 3) это непреодолимая порочная страсть-двойник в виде слуги, но на самом деле бес (генеалогия от «Повести о Савве Грудцыне» до «Мелкого беса» Ф. Сологуба и далее); 4) двойники один другого, как герои «Повести о Фоме и Ереме»: оба дублируют друг друга, оба неудачники, оба находятся друг с другом в ироническом соперничестве: то, что делает один, – как бы насмешка над другим; 5) наконец, двойник, лишаящий героя е г о р е а л ь н о с т и: и сущности «Я», и существования всех атрибутов бытия человека: остается казенный дом «с дровами, с лихт и с прислугой, чего ви недостоин» («Двойник» Достоевского).

Интересно, как создавался образ «идиота». В первоначальной редакции «идиот» – существо обиженное, гордое и мстительное, одинаково неудержимое в добре и зле, способное на самые необузданные проявления своей одаренной, но дикой и несдержанной природы – «последняя степень проявления гордости и эгоизма», «делает подлости со зла и думает, что так и надо», «в гордости ищет выхода и спасения», «беспредельная гордость и беспредельная ненависть» (в кавычках наброски к роману). Рогожин тогда еще не существовал. Затем «идиот» проходит стадию раздвоения: выделив из себя мрачную и злую фигуру Рогожина, князь-«идиот» обретает такие характеристики, как «чудак», «тих», «прост», «смирнен», «невинен» (противоположные черты, естественно, достались Рогожину)².

Когда на Руси начинали ч у д и т ь? Когда готовились с л а в н ы е д е л а! Это еще со времен Ивана Грозного, а может быть, и ранее. Сама Москва есть «город ч у д н ы й (разрядка наша. – Е. Ч.), город древний», процветающий с л а в о й вечной, «град срединный, град сердечный» (Ф. Н. Глинка).

«Чудик» и «славный вольный казак» – образы-двойники, реализующие в себе в с е выделенные Д. С. Лихачевым т и п ы двойничества. Кроткий, тихий и невинный, часто бредущий куда глаза глядят, в «гуньке кабацкой» так нуждается в заступнике, в уши которого «шумит разбой». А Горе? Оказывается тогда существом, живущим своей особой жизнью. Может быть, и могучей силой, способной «перемудрить» кого угодно и «мудряе» и «досужае».

Ай горе, горе-гореваньице!

Жизнь человека вообще. Невзрачная жизнь невзрачного героя как судьба всего страдающего человечества. «Смертельная», «ядовитая», «тонкой змеей вьющаяся» т о с к а и томление духа – и пронзительный вопрос: «Что это за душевная рана? Что за боль? Как, откуда нанесло ее на беднягу?» Проклятые темы классической русской традиции. Есть среди них и еще одна, «сквозная» ...и для Шукшина тоже: ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ.

Но закончим сначала с «чудиками», душа которых не может примириться с тем, чтобы что-нибудь из подлинно живого могло умереть, исчезнуть. Юродство во всех ипостасях живуче еще и потому, что способствует воскресению в е ч н ы х истин. Великий Пан умирает на Западе. А Русь остается живой загадкой былинного Микулы Селяниновича.

² Напршивается мысль о м ы ш к е, прогрызающей р о г о ж к у, чтобы полакомиться отборным пшеничным зерном.

«А тайна эта поистине огромная и, думаю я, заключается в том, что крупнейшая масса русского народа до тех пор и терпелива и могуча в несчастиях, до тех пор молода душою, мужественно сильна и детски кротка – словом, народ, который держит на своих плечах всех и вся, народ, который мы любим, к которому идем за исцелением душевных мук, до тех пор сохраняет свой могучий и кроткий тип, покуда над ним царит в л а с т ь з е м л и, покуда в самом корне его существования лежит н е в о з м о ж н о с т ь о с л у ш а н и я е е п о в е л е н и й, покуда они властвуют над его умом, совестью, покуда они наполняют все его существование... наш народ до тех пор б у д е т казаться таким, каков он есть, до тех пор будет обладать теми драгоценными качествами ума и сердца, словом, до тех пор будет иметь тот тип и даже вид, какой имеет, пока он весь с головы до ног и снаружи до самого нутра проникнут и освещен теплом и светом, веющими на него от матери сырой земли». Это сказал Г. И. Успенский. И еще: «Оторвите крестьянина от земли, от тех забот, которые она налагает на него, от тех интересов, которыми она волнует крестьянина, – добейтесь, чтоб он забыл «крестьянство» – и нет тепла, которое идет от него. Остается один пустой аппарат пустого человеческого организма. Настает душевная пустота, «полная воля», то есть неведомая пустая даль, безграничная пустая ширь, страшное «иди куда хошь...»

И ходят дождевые облака.
И свежим ветром в сером поле дует.
И сердце в тайной радости ликует,
Что жизнь, как степь, пуста и широка.

И. А. Бунин

Что ответил Микула Селянинович своему «д в о й н и к у» Святогору-богатырю, вольному и сильному? (Похвалялся Святогор: «Каб державу мне найти, всю землю поднял бы», – однако не смог поднять сумочки Микулиной.) М е н я л ю б и т м а т ь с ы р а з е м л я.

И требует Горе от молодца поклониться себе до сырой земли. И катается в судорожном рыдании по ней Егор Прокудин. И слышит сыра земля от него предсмертное «Прости!», и отвечает ему – «прощен».

Есть в биографии В. М. Шукшина интереснейший факт. И. А. Жигалко, ассистент М. И. Ромма, вспоминала, что на втором курсе студент Шукшин выбрал для учебной «площадки» рассказ Горького «Озорник». Режиссерско-актерская работа над образом Николки Гвоздева, героя «Озорника», выкидывающего в виде протеста против своего существования разные «штучки», не удалась. «Думаю, – писала Жигалко, – что „Озорник“ не получился по двум причинам: тема людей, по-разному „шагающих по дороге жизни“, среди которых есть „озорники“, есть „чудаки“ и „непутевые“, еще не созрела в творчестве Шукшина, придет он к этой теме позднее через литературу; как режиссер Шукшин еще не был подготовлен к решению такой сложной темы». Владимир Коробов по этому поводу пишет: «Согласимся с этим (мнением Жигалко. – *Е. Ч.*), но порадуемся и удивимся самому факту: Василий Макарович задумался над т а к и м и героями еще в 1955—1956 годах (вот и еще пример с о з н а т е л ь н о с т и, а не стихийности высокой творческой силы)!» Только и всего? Проблема «сознательного» и «бессознательного» («стихийного») в творчестве Шукшина? Нет. «Не в слепой кишке, не в почке дело, а в жизни и... смерти!» Актуальна была тема «чудика» в 1955—1956 годах? «Созревала» она или ее автор? Шукшин выбрал «Озорника» и заполнил половину ученической тетрадки не столько режиссерской экспликацией рассказа, сколько своими размышлениями о героях н е п у т е в ы х (то, что объединяет «чудиков» и «озорников»), об их месте в «общем порядке жизни». «Озорник» (Стенька Разин тоже о з о р н и ч а л!) не получился. Получился «чудик».

Антиподы «чудика» – л и ш н и е л ю д и, то есть изгой. Все, кто готов сказать о себе:

И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви...

Их можно пожалеть, чтобы не пожелать себе их доли:

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужного
Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.
Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?
Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

М. Ю. Лермонтов

В этом же ряду и н и г и л и с т ы. И. С. Тургенев вспоминается в связи не с Евгением Васильевичем Базаровым, а «Отчаянным», неистово истребляющим в себе душу. Здесь же герой И. А. Бунина («Я все молчу»), со сладострастием лишаящий себя не только человеческого достоинства, но и подобия. Какие уж тут «непутевые», когда система и «жизненная позиция»! Это с в о й п у т ь о т о р в а н н ы х о т з е м л и. Куда? В небытие. Пройти и не оставить следа. А «чудик»? Горячий брат наш... Ибо страдает, слишком серьезно относится ко всему, с чем сталкивает судьба, идет до конца, до грани, до предела, в поисках: что есть Правда? Порой один-одинешенек остается на своем пути воскресения загубленного Слова и тогда слышит з о в матери сырой земли.

В 1968 году В. М. Шукшин утверждает: «Герой нашего времени – это всегда „дурачок“, в котором наиболее выразительным образом живет его время, правда этого времени». А вот за несколько часов до своей смерти в разговоре с Г. Бурковым он вдруг признается: «... знаешь, мне кажется, что я наконец-то понял, кто есть „герой“ нашего времени... Демагог. Но не просто демагог, а демагог чувств...» Два героя, но не дублеры, не двойники (у которых о д н а с у д ь б а, да и одна жизнь), а антиподы: чудик – то есть мой, твой, наш, и с т р а н н и к – то есть другой, чужой.

В 1968 году В. М. Шукшин пишет: «Человек трезвый, разумный конечно же везде, всегда до конца понимает свое время, знает правду, и если обстоятельства таковы, что лучше о ней, правде, пока помолчать, он молчит. Человек умный и талантливый как-нибудь да найдет способ выявить правду. Хоть намеком, хоть полусловом – иначе она его замучает, иначе, как ему кажется, жизнь пройдет впустую». Это в 1968 году.

В 1981 году появляется «Змеелов», а в 1984 году «Последний переулочек» Лазаря Карелина. В 1986 году прошел по экранам страны фильм «Змеелов», успеха у зрителей, в общем, не имел («неудачная экранизация»?). Оставим для кино- и литературных критиков оценки художественных достоинств этих произведений. Скажем лишь то, что для нас является несомненным (пусть просто как для читателя и кинозрителя) и что может помешать общению с Шукшиным. Кстати, вспомнились стихи Е. Евтушенко, где есть такие слова: «Не важно – есть ли у тебя исследователи, а важно – есть ли у тебя последователи» (из цикла «Будем великими!»).

«Змеелов», по нашему глубокому убеждению, есть с ю ж е т н ы й (см. на этот счет мнение Шукшина) роман. Это с о ц и а л ь н ы й з а к а з и написан он «на потребу». Его «строение» – калька с «организма» «Калины красной». «Последний переулочек» имеет все литературные достоинства «Змеелова» и тоже есть калька с некоторых, не будем их называть, «бестселлеров». Остановимся на последнем.

Вот что сразу поражает при его чтении – не образы (живых героев здесь нет, все лубочные картинки), а имена главных лиц. Ну, понятно, Рем Степанович Кочергин. Хищник, вскормленный волком. Сильный, но порченный изнутри, развратный, порочный и жестокий сын Римской империи у своей п о с л е д н е й черты. «Степанович»? А не сынок ли Стеньки Разина, славный потомок ушкуйников и «вольных казаков»? Если «Степан Разин» Василия Макаровича т о л ь к о с о б и р а л с я «тряхнуть Москву», то Рем Степанович изрядно ее потряс, как мы знаем, в действительности. Древняя старушка, «гордая своей миссией», – Клавдия Дмитриевна. Вспоминаем. Клавдий (10 г. до н. э. — 54 г. н. э.) – римский император с 41-го из династии Юлиев-Клавдиев. Заложил основы имперской бюрократии, раздавал права римского гражданства провинциалам. Клавдия Дмитриевна, читаем: «...за давностью лет, смотри, стала совестью нашего переулочка». «Дмитриевна». Уж не «дочь» ли Дмитрия Пожарского, русского полководца, народного героя, освободителя Москвы от интервентов? В 1612 году на Лобном месте он провозглашает освобождение Москвы и возводит в честь этого Казанский собор. Кстати, рядом с собором размещались в то время и царские зверинцы. Вот откуда попугай, постоянный спутник Клавдии Дмитриевны. Платон Платонович, друг Рема Степановича, весь в сочной зелени... с рынка. Это, несомненно, потомок древних греков, покоренных Римом, Геннадий Сторожев, что находится в услужении Рема Степановича. Конечно же «по происхождению страж», должно бы быть. Не случайно, что «длинный» – дальше видно! – но «надежный», жаль, что «открытый». Можно было бы продолжить и по другим именам. Все намеки, намеки. Правда полусловом. Вернее, правда лишь по имени, по названию. Может быть, Л. Карелин здесь ни при чем – это наше прочтение его произведения? Вряд ли. Автор подсовывает нам «ключ» к «расшифровке» имен: «Волчонком рос. Рем – это же волк, кажется».

Какое наше дело? Это право автора писать как хочешь и называть своих героев какими угодно именами. Да, а право его ч и т а т е л я? «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...» Анна Лунина. «Известная актриса», «из молодых, из восходящих», «всего лишь дама», «заблудшая овца», «милая, добрая, доверчивая, ей невозможно было не поверить», «актриса, ей зрители и нужны». «Не могла Анна Лунина полюбить жулика-махинатора. А ведь она любит его» (и, кстати, отворачивается от своего «стража»). З в е з д а п л е н и т е л ь н о г о с ч а с т ь я в наше время? Кто ее предки? Михаил Сергеевич Лунин, писавший из акагуйской каторжной тюрьмы: «В этой жизни несчастливы лишь скоты и дураки»? Она – «родственница» декабристов? Та же жертва, тот же подвиг и то же восклицание: «Я самая счастливая из женщин...» И красота... Натали Потоцкой!

Всего достаточно в этом театре масок времен Нерона и Сенеки, Брежнева и Пугачевой. «Последний переулочек» – надуманная вещь. И не зеркало, и не зазеркалье. А ведь для отражения определенных моментов нашей действительности создана.

Говорят, что в каком-то варианте выше цитированные строчки стихотворения Е. Евтушенко были такими: «Не важно – есть ли у тебя последователи, а важно – есть ли у тебя преследователи».

Остается еще один вопрос из главных: кто п р о в о ц и р у е т чудачество? Ведь вряд ли это спонтанное явление социальной жизни. И опять обращаемся к Г. И. Успенскому и понимаем В. М. Шукшина. Конечно же мырцевоы! Они живучи! Изменяются формы, масштабность, значимость этого квазифеномена городских будней, суть остается. У Глеба Ивановича «будка» как символ страшной сюрреальности закона и порядка. У Василия Макаровича – «вахта» (в больнице). Мырцевоы страшны своей безликостью и беспощадностью и абсолют-

ной глухотой к любому человеческому чувству. О, это похуже самой смерти («Не знаю, что такое там со мной случилось, – пишет Шукшин в «Кляuze», – но я вдруг почувствовал, что все, конец. Какой «конец», чему «конец» – не пойму, не знаю и теперь, но предчувствие какого-то очень простого, тупого конца было отчетливое»). Во времена Успенского мымрецовы собирали пятаки (и это символично мелкое вымогательство). С Шукшина требовался полтинник. «Мы не допускаем дебошу...», «Марш на место!», «Пропуск здесь – я!». Что можно противопоставить этому? «Странную» выходку: в морозец, в тапочках и одном больничном халате, без шапки в ночь, тяжело больным, уйти из больницы, «с необъяснимым упорством и злым удовлетворением думать: «И пусть»».

Б. Дыханова пишет: «Будучи человеком редкой совестливости, Успенский считает, что „душа“ – это синоним нравственности и человечности». А Шукшин? Выступая в 1973 году в городском кинотеатре Белозерска на премьере фильма «Печки-лавочки», он говорит: «Нам бы про душу не забыть». И еще – «не забыть, что мы люди, что мы должны быть...»

«Итак», «таким образом», «подведем итоги» и т. п. концовки раздражали Шукшина. Тем более нельзя «подводить итоги», говоря о нем и пытаясь вступить с ним в доверительный контакт. Мы ничего «не заключаем» этим вступлением и «не подчеркиваем». Только в с п о м и н а е м. Вот, например, признание Василия Макаровича: «Все время я хоронил в себе от посторонних глаз неизвестного человека, какого-то тайного бойца, нерасшифрованного». Или: «Надо, чтоб в рассказе было все понятно и даже больше».

Последняя мысль побуждает сказать об авторе этой книги. Он имеет дерзость считать себя п р о ф е с с и о н а л ь н ы м философом и врачом. Во всех трудных случаях он полагается не на свой жизненный опыт и знания, а на 20-летний опыт врача-лечебника. Эта книга – самый трудный «случай» в его практике. Без помощников он, скорее всего, закончился бы «летальным исходом». Слишком большой бы список получился, если бы автор вздумал перечислить всех, кому глубоко признателен и благодарен за оказанную помощь, моральную и фактическую поддержку, понимание и благожелательное отношение. Но нельзя не назвать человека, без кого эта книга никогда не появилась бы на свет. Это землячка В. М. Шукшина Лидия Альбертовна Андрияхова.

И еще. Эта книга вряд ли была бы написана без постоянной моральной поддержки моих близких друзей Людмилы Степановны Черносвитовой и Владимира Николаевича Прокудина. Их любовь к Василию Макаровичу Шукшину и его героям столь же горяча и сильна, как и автора.

Только это не будет экономическая статья...

Создав свое первое основополагающее сочинение, сколь ошибочно и несовершенно оно ни было бы, человек в сущности сразу написал все свои более поздние, сколь совершенны они бы ни были, сочинения... Счастлив тот, кому дано самому развить выводы из своих принципов. Но это не необходимо. Нет!

Л. Фейербах *Вопрос о бессмертии с точки зрения антропологии*

Рассказчик всю жизнь пишет один большой роман. И оценивают его потом, когда роман дописан и автор умер.

В. М. Шукшин. *Из рабочих записей*

Шукшин – внутренний редактор. Вот что должно интересоваться нас прежде всего. И конечно, его м е т о д. Если «система» мироощущения «выстрадана жизнью», то этот метод мыслительной работы есть с т р а д а н и е. «Страдать надо», – говорил Достоевский. По твердому убеждению Г. Буркова, человека, принявшего последние слова Василия Макаровича, «Шукшин был рожден духовником». У него, как у н а р о д н ы х п е в ц о в, «через духовное раскрывалось гражданское, через нравственное – социальное». Через о б ы д е н н о е раскрывалась философия жизни. Бурков пишет: «...он подбирает исполнителей по духовной и душевной предрасположенности к тому, что хотел делать. У него и писатели снимались, и эта замечательная старушка, которая сыграла мать в „Калине красной“. Причем в этом заключался его секрет: он понимал, что с непрофессионалами фильм целиком не создашь. Но вот, скажем, старушка играет не по „системе“ – просто рассказывает свою жизнь, и именно она несет ту жизненную духовную информацию, о которой Шукшин мечтал. Ни на что не жалуется, она вот такая, просветленная старушка, мученица, прошла тяжелую жизнь, двух сыновей на войне схоронила и не сознает, что героиня. Может, я говорю слова деревянные по отношению к ней, но у этой старушки, в ее рассказе, жизнь входит в иную философию, в народную. И то, что Шукшин снял ее, он как бы определил направление своего поиска».

«Внутренний редактор» человека – совесть. Есть градация, есть деградация этого нашего качества. Поэтому все мы р а з н ы е, – и хорошие, и плохие. Разнообразны и способы, и манеры «саморедактирования». А как у Шукшина? Г. Бурков дальше пишет: «Признак, что ли, совестливого человека – сначала сам посмеялся, потом спохватился – деньги-то его (это о случае, происшедшем с Василием Макаровичем и послужившем материалом для рассказа „Чудик“), а вернуться, сказать стыдно. Вот и весь чудик. А какой он чудик, просто совестливый русский человек, часто в жизни встречающийся. Да Шукшин и сам таким был».

Г. Бурков настаивает, что у В. М. Шукшина «и нравственность, и социальность совершенно особого рода, не буквального склада, а духовного...». Не «со стороны». Именно поэтому «Шукшин весь в нашем духовном будущем».

В 1967 году получил Василий Макарович задание газеты «Правда» написать статью, почему молодежь уходит из села. Здесь же в редакции сразу заявил: «Только это не будет экономическая статья...» И что получилось? Размышления о жизни, судьбе, подлинных и мнимых ценностях, смысле, о человеческих потерях, опасности, смерти, наконец. Вселенские вопросы? И ответы на них. Хорошо об этом сказал В. Распутин: «Он ведь на многое отвечал, но читатель не всегда понимает это как ответы. Вот тут-то, может, и необходимо собрать его мысли как ответы и подтолкнуть читателя к более внимательному и правильному чтению Шукшина». Небольшая и н е з а к о н ч е н н а я работа, а какая глубина и масштабность мысли! Вавилонская библиотека! Вариации на тему «отрыва от земли». И сколько сказано. И требуется искусство, которое позволит нам «созерцать различные сочетания из двадцати трех букв» (Роберт Бер-

тон). Объяснить, понять, осмыслить. Возможны различные интерпретации, если вдуматься. В этой небольшой работе все заветные надежды... и заветные страхи искреннего человека. С чего Василий Макарович начал «выполнять задание»? С решения, некоторой неуверенности совестливого: «Может, не мудрствуя лукаво, взять да и рассказать про себя: так и так, взял в свое время ноги в руки и пошел искать лучшую долю. И забыл (? – Е. Ч.) „извечную“ крестьянскую любовь к земле, и великолепно преодолел (? – Е. Ч.) „тягу“ к этой самой земле... По крайней мере честно будет». «Забыл»? «Великолепно преодолел»? Он сам себе ставил эти вопросительные знаки. Поэтому и мучился. Нужно глубоко погрузиться в мысли Шукшина, глубоко постичь его переживания. Для нас есть сейчас одна возможность это сделать: в споминать. И то, что говорил он о себе, и то, что говорили о себе или по «случаю» его герои. И то, что сказано о Василии Макаровиче другими.

Смеем утверждать, что Шукшин никогда и ни о чем не высказывался однозначно. Или «да», или «нет» – это не его метод. Живое противоречие и в суждениях, и в поступках. Выше мы привели его прямо противоположные высказывания о «герое нашего времени». Вот другой пример, который касается его личной жизни. Сначала – «не могу жить в деревне. Но бывать там люблю – сердце обжигает». Затем – «я сам твердо решил: вернусь в Сростки!» Душа, расстроенная, мечется и тоскует и толкает на подвиг. Полнокровная, горячая жизнь. Полнокровное творчество, живое слово и дело.

Душа, если она есть, имеет свойство постояннo обнажаться. Поэтому она и легко ранима. Вот говорит Шукшин в разбираемой нами работе: «Но... когда мы трусоваты, мы всегда найдем нечто спасительное, что убаюкивает нашу совесть и не позволит поступить честно. Я тут же вывернулся...» Как-то не вяжется слово «вывернулся» с Шукшиным. Но послушаем дальше. Вслушаемся! «Вечно вы своим несчастным рублем все меряете! В конце концов я не напрашивался». Это, когда он получал командировочные в бухгалтерии редакции, на вопрос бухгалтера: «А это ничего, что место рождения Алтайский край и туда же командировка?» Немного ниже, глядя в иллюминатор самолета и представляя, что под ним 10 километров воздуха и он перемещается с огромной скоростью – «и хоть бы что, как так и надо»: «О человек! Царь он или не царь природы, а дьявол изобретательный». И вдруг вспоминается неудачная посадка в Свердловске, когда самолет сел на картофельное поле: «Один разок я имел удовольствие испытать нечто похожее на смертельный испуг». Когда опасность была позади, и пассажиры это уже осознали, «и все вокруг тоже молчали – это поразительно». Смертельная опасность и молчанье. Молчаливое понимание. От «опасности» до «обеда» всего несколько строчек: «...стали разносить обед. Тоже одна особенность: иногда совсем не хочется есть, а все-таки не отказываешься, ешь. Впрочем, это я о себе говорю, может, другие не так. Наверное, это у меня крестьянское осталось: «Пусть лучше пузо треснет, чем добру пропадать». Уход молодежи из села. Приводится вроде бы частный пример этому и делается вывод: «Ведь в сущности распался целый крестьянский род. А почему? А могли бы они снова собраться?» В последнем, может быть, наивном с точки зрения объективных закономерностей трансформации деревни вопросе предстает Шукшин, всегда готовый в тупиковой ситуации подумать о вольном, желанном и неожиданном для самой ситуации ее решении. А вот мысль о предках жестко логична: «...видно землю. Я смотрю вниз и думаю уже о том, как наши предки шли вот по этим местам. Шли годами, останавливались зимовать, выходили замуж по дороге, рожали. До чего упорный был народ! Ну вот ведь она, земля, останавливайся, руби избу, паши. Нет, шли дальше и дальше, пока в океан не уперлись, тогда остановились. А ведь это не кубанские степи и не Крым, это – Сибирь-матушка, она «шуток не понимает». ...Как они по дватри года добирались до мест своих поселений! Впрочем, наверное, это становилось образом жизни в пути. У меня отец – Макар; я где-то прочитал, что Макар – это путевой». Здесь нельзя не вспомнить высказывания В. И. Белова о дороге в его «Ладе»: «Образ дороги не менее полнокровен в народной поэзии. А нельзя ли условиться и хотя бы ненадолго представить эмоци-

ональное начало речкой, а рациональное – дорогой? Ведь и впрямь: одна создана самой природой, течет испокон, а другая сотворена людьми для жизни насущной. Человеку все время необходимо было идти (хотя бы и за грибами), нужно было ехать (например, за сеном), и он вытапывал тропу, ладил дорогу. Нередко дорога эта бежала по пути с речную водой... Дорога стремилась быть короче и легче, да к тому же тот берег почему-то всегда казался красивей и суше. Не раз и не два ошибалась дорога, удлинняя свой путь, казалось бы, совсем неуместными переправами! Но от этих ошибок нередко душа человеческая выигрывала нечто более нужное и неожиданное».

А дальше начинается курьезный случай с 50-рублевкой, «этакой зеленой дурочкой». И появляется Чудик. Вот первые его «провокационные» признания: «Ужасно приятно сделать человеку добро, которое тебе ничего не стоит. Я прямо счастлив, когда мне выпадает сказать кому-нибудь: „Товарищ, вы обронили“. Человек благодарен, и тебе хорошо. Не круглые же сутки грызть себя, иногда для отдыха – надо и подумать, что ты, вообще-то, не такой уж плохой человек». «Грызть себя» – угрызения совести без всякой презумпции невиновности или превентивная мера? О, этот юридический жаргон рядом с делами совести! Если поверить Шукшину в том, что он только что сказал о себе, – значит попасться на крючок мудрому насмешнику (юродивый всегда смеялся над собой, чтобы высмеять окружающих, показывал свои язвы, чтобы обнажить скрытые язвы других). Вот, пожалуйста, «хоть глупо, но приятно». И все же речь идет о деньгах (эквиваленте всех ценностей, как говорят экономисты): «Та зеленая дурочка, если к ней еще добавить другие, могла бы устроить дома лишний праздник». Тут, действительно, необходимо успокоить себя: «Ну и что. Эка потеря! Люди руки, ноги теряют, а тут бумажка вшивая». Такой жестокий аргумент для самоуспокоения! Да, это деньги!

И вот наконец: «Ну – дома». Деревенская грязь и московские «штиблетики». «Хорошо приезжать домой не по тревожной телеграмме, как большинство сейчас делает...» Но вот главное: «А что, почему это я должен приезжать и уезжать из дома? – как-то не думается... И невдомек нам, что как же это: и тут дом, и там дом? Человеку положено иметь один дом». Д о м, к р о в или «СВ» скорого поезда? Ночлежка! Для некоторых «конура», а то, может быть, «башня из слоновой кости». Это глубоко символично. Отношение к своему дому – основа нашего мироощущения. На этом все строится. Вот пишет Белов: «Об отцовском доме сложено и до сих пор слагается неисчислимое множество стихов, песен, легенд. По своей значимости „родной дом“ находился в ряду таких понятий русского крестьянства, как смерть, жизнь, добро, зло, бог, совесть, родина, земля, мать, отец. Родимый дом для человека есть нечто определенное, конкретно образное, как говорят ученые люди. Образ его не абстрактен, а всегда предметен, точен и... индивидуален даже для членов одной семьи, рожденных одной матерью и выросших под одной крышей... Разница заключалась и в самой атмосфере семьи, ее нравственно-эстетическом облике, семейных привычках, традициях и характерах».

Но родной дом в с е г д а п о к и д а ю т. Почему-то становится в нем неуютно, холодно. Возникают потаенные и недобрые мысли об окружающих. Тогда-то и принимается решение: «Поеду куда-нибудь». Помыкаешься, помыкаешься и уедешь. Такова, говорят, судьба. И об этом думает Василий Макарович: «Как нарочно на моих глазах». И – «ничего не сделаешь».

В этой «неэкономической» статье за фасадом повествования находится напряженное раздумье о нашем житье-бытье, и о существенном, и о сущем. И здесь г о р е с т и и п е ч а л и ч е л о в е ч е с к и е, ж и в ы е, т р е п е т ы е н и т и...

«Внутренний редактор» – это одно из основных измерений духовности, главная сторона души (мы еще подойдем к этой категории страдания и рассмотрим ее значение в творческом мышлении Шукшина). Другое такое же измерение духовности – это м о т и в с у д ь б ы. «Нужда песенку поет». Если вдуматься, то никакое другое слово так точно не определит понятие судьбы, как нужда. «Необходимость» – это объективно. «Нужда» – это всегда с у б ь е

к т и в н о з н а ч и м о. Без нужды нет человека, как нет его без страдания, без переживаний. И без песни, у которой свой мотив, своя музыкальная тема. Композитор Павел Чекалов свой рассказ о Василии Макаровиче назвал «Воспоминание о песне». Музыка, песни – выразители души народной. И каждого человека. «И была у Василия Макаровича, – пишет Чекалов, – любимая мелодия, вальс из «Калины красной», о котором он говорил мне: «В нем – моя родина. Судьба». Л. А. Аннинский пишет: «Эмоциональный сюжет, в котором Шукшин осмыслял социальную картину мира – непрерывное сопоставление города и деревни. Точнее и уже: драма деревенского жителя, который, неудержимо стремясь в город, попадает там, глядишь, не в сферу великой культуры, а в сферу великого потребительства. . .» Критик использует расхожий прием объяснения переживаний и поведения человека конкретными социальными проблемами. Но при этом всегда незаметно осуществляется подмена одного другим. Так Шукшин превращается в социолога, публициста, литературного критика. Л. А. Аннинский пишет: «Коренной вопрос Шукшина к реальности: как сохранить, защитить, укрепить достоинство человека?» Это верно. Но смысл этого вопроса резко изменяется, если задают его х у д о ж н и к, с о ц и о л о г или ф и л о с о ф. Так, с точки зрения социолога, п р о б л е м ы человеческие имеют одни источники и причины и всегда детерминированы конкретными социально-историческими условиями. А с точки зрения философа – это суть «проклятые, вопросы». Сила художественного образа зависит от глубины постижения реальности. Но и здесь существенная разница – какая реальность постигается творческим воображением: объективная или субъективная? Все, кто пишет о Шукшине, как нам известно, непременно процитируют следующее его высказывание: «Лично я старался рассказывать про душу, что ли, а не про внешнюю биографию, внешние события. Они что? Они с нами происходят каждый день. А сами с собой мы остаемся пореже. Но тем не менее надо, наверное, оставаться. Вот». Мы привели полностью это высказывание Василия Макаровича. Обычно цитируется лишь первое предложение. Здесь же: «...заботило больше... не повествовательная часть этого дела, а то состояние души, в котором наш русский человек... ныне пребывает и живет». Так к какой реальности обращался Шукшин? К субъективной реальности, то есть душе. И поэтому причислять его, например, к «деревенщикам» или считать уникальным социологом или публицистом является ошибкой. Против чего он и сам возражал, а то давал точные оценки своим «публичным выступлениям»: «Взялся порассуждать на эту тему (о моде, – Е. Ч.), но дал себе слово, что буду краток и осторожен, потому что тут легко можно наговорить «сорок бочек» или, еще хуже, очутиться в позе человека, все время показывающего пальцем – поза противная, вовсе не смешная», «мобилизовал «свой сельсовет» – думаю, как умнее начать», «вякнул что-то...». Его суждения о мещанстве, хамстве, интеллигенции, проблемах города и деревни, воспитания и образования и т. д. безусловно интересны, ибо в основе их лежат наблюдения мудрого человека, далеко не равнодушного ко всему, что его окружает, с чем «сталкивает» судьба. Но не этим «берет» Шукшин. И его этика – скорее не принципом, а призывом «нравственность есть Правда», – затрагивающая наши сердца, – явление не уникальное, а традиционное для классической русской литературы. Значит, и не в ней дело. «Совестливость», гипертрофия чувства личной ответственности з а в с е и в с я, возможно, вообще черта русского характера, болезненно акцентированная у больших художников. Так в чем же дело? Наверное, в том, что В. М. Шукшин был одарен н а р о д н о й мудростью. И обаяние его личности, и сила его характера, и творческая мощь его, и т о г и п н о т и з и р у ю щ е е влияние, какое он оказывал на людей, и многое другое, чем «берет» Шукшин, – все в этом даре.

Мы пишем не о личности Василия Макаровича. Это особый труд. Приведем лишь два примера, какое впечатление он оказывал на окружающих. Игорь Золотуский вспоминает: «Я оценил тогда щедрость Шукшина и его страсть. Я не помню подробностей именно из-за этого напора, из-за волнения, с каким он мне все объяснял. Он почти, меня за грудки брал, он душу готов был мою из меня вытряхнуть и поселить на место ее свою. Он меня из меня изгнать

хотел и во мне поселиться». А вот Глеб Панфилов: «Тогда я подумал о нем – какое удивительное сочетание скифской дикой силы с незащищенностью ребенка. Вот таким он мне и запомнился – властный, пронизывающий взгляд и худое слабое тело. Голова бунтаря и тонкая щиколотка усталой ноги, которая болталась и неуклюже ботинке. Он внимательно, как прилежный ученик, вслушивался в то, что нам говорили, и, казалось, не чувствовал, не понимал, какой силой обладает...»

Известно отношение Шукшина к Степану Разину: «Разин для меня – вся жизнь». Понятен психологический механизм выбора любимого героя – это по своему образу и подобию, то есть самоотождествление. Психологам хорошо известно, что для процесса самоотождествления необходимы временные параметры. «Момент истины» или полного отождествления себя с кем-то другим возникает в критические возрастные периоды. Так, первые любимые герои появляются в период полового созревания и становления личности, поэтому они всегда инфантильны, как первое чувство. Для мужчины критическим периодом является промежуток от 35 до 45 лет. Этот «момент истины» для Шукшина – 40 лет. В рассказе «Гена Пройдисвет» один из героев говорит: «Мужик, он ведь как: достиг возраста – и смяк телом. А башка еще ясная, какие-нибудь вопросы хочет решать. Вот и начинается: один на вино напирает – башку туманит, чтоб она ни в какие вопросы не тыркалась, другой... Миколай вон Алфимов – знаешь ведь его? – историю колхоза стал писать. Кто куда, лишь бы голова не пустовала. А Григорий наш, вишь, в бога ударился». Это о «критическом возрасте». А вот о себе в этот период: «Жизнь, как известно, один раз дается и летит чудовищно скоро – не успеешь оглянуться, уже сорок... Вернуться бы! Но... Хорошо сказано: близок локоть, да не укусишь. Вернуться нельзя. Можно не пропустить. Можно, пока есть силы, здоровье, молодая душа и совесть, как-нибудь включиться в народную жизнь (помимо своих прямых обязанностей по долгу работы, службы). Приходит на память одно тоже старомодное слово – «подвижничество». Небольшое высказывание о себе, а для психолога информации на целую диссертацию. Есть и для философских раздумий материал. По выражению Байрона, это момент, когда судьба меняет лошадей. Переоценка ценностей, «выверение» своей жизни. Вопрос над ее быстротечностью и смыслом. Тревожное опасение, что не успеваешь выполнить свой долг на земле. Осознание несоответствия стремительно возрастающего замысла и возможности его осуществления, недовольство собой. И спонтанное, скорее, ощущение, родственное внутреннему озарению, что жизнь прожита все же не зря – обретение мистического. Это характеризует Шукшина не столько как личность, сколько как субъекта мировоззрения, для которого «проклятые вопросы» не голые абстракции, псевдопроблемы, а ценностно-значимые «состояния души», предельно наполненные переживаниями конкретных жизненных ситуаций (кстати, отсюда внутреннее стремление к публицистике, социологизированию, поучительству). Он становится философом в момент, когда решает для себя извечные проблемы человеческого существования. И для этого прежде всего требуется мужество. Весьма характерно признание Василия Макаровича: «Философия, которая вот уже скоро сорок лет норма моей жизни, есть философия мужественная». И особенно следующее предложение, отражающее суть шукшинского самосознания в «кризисный» период: «Так почему я, читатель, зритель, должен отказывать себе в счастье – прямо смотреть в глаза правде?»

Отождествляя себя со своим любимым героем, все, что мы говорим о нем, говорим невольно о себе, что знаем о себе, но не осознаем или не хотим осознать. Сначала такой штрих: многим героям Василия Макаровича 40 лет или около этого. Вот первое знакомство с Егором Прокудиным: «В группе „бом-бом“ мы видим и нашего героя – Егора Прокудина, сорокалетнего, стриженного». А вот еще один герой, «чудик»: «Звали его Василий Егорович Князев. Было ему тридцать девять лет от роду. Он работал киномехаником в селе. Обожал сыщиков и собак. В детстве мечтал быть шпионом». «Спирьке Расторгуеву – тридцать шестой, а на вид двадцать пять, не больше» («Сураз»). А вот Максим Яриков («Верую!»): «...он был сорока-

летний легкий мужик, злой и порывистый, никак не мог измотать себя на работе, хоть работал много...» Глеб Капустин («Срезал») – «толстогубый, белобрысый мужик, сорока лет, начитанный и ехидный».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.